Коган Илья

14.07.98

Скандал

Илья Коган не виноват, что он сильный директор

История наша не оригинальна...

Анна КУЗНЕЦОВА

— Илья Аронович, ваш коллектив в очередной раз переживает разлуку. Что же это такое, год, два, максимум три — и в очередной раз уходит главный режиссер. И не впервой вы становитесь героем статей, сплетен, официальных и светских обсуждений, оказываетесь в эпицентре свежего театрального скандала: из театра ушел один из самых ярких представителей молодого режиссерского поколения, Сергей Женовач, а за ним — группа актеров.Тут же вспоминаются режиссеры Евгений Лазарев, Владимир Портнов, их век у вас тоже был короток...

— Да, у нас в театре — беда, которая, увы, началась не с ухода последнего главного режиссера Сергея Женовача, а гораздо раньше. Наш театр с историей, с памятью побед и успехов. Его стены видели шедевры Михоэлса. Здесь начинался Театр сатиры и Валентин Плучек. Десять замечательных лет связаны с именем Андрея Александровича Гончарова. Нелегко соответствовать сложившемуся творческому коллективу со своими традициями, с критериями успеха, выработанными за десятилетия, знавшему счастье работы с Анатолием Эфросом.

Неприятно говорить о случившемся. Но, наверное, надо. Задета честь коллектива. Да и история наша не оригинальна. Приход в театр главного режиссера дано переживать не только нам. А если точнее, приходы и уходы. Это ведь редкость, когда творческим руководителем становится учитель, воспитавший учеников и вырастивший театр из студии, как в случае с Олегом Табаковым. В свое время так было у Монюкова в Новом театре или еще раньше, на нашей памяти, у Юрия Любимова на Таганке. Или когда театр возглавляет бесспорный художественный лидер — как Марк Захаров, Андрей Гончаров. Во многих театрах режиссура меняется, потому что встречаются разные люди, поколения, привычки, воспитание, группы крови, наконец. И тогда мало даже таланта, нужны большие встречные усилия к взаимопониманию.

— Но ведь лучшими спектаклями последних сезонов были именно спектакли Женовача: трилогия по «Идиоту» Достоевского, «Мельник, колдун, обманщик и сват», «Ночь перед Рождеством», «Пять вечеров»... Их хвалили критики, они получали престижные дипломы.

— Я не хочу ставить под сомнение качество этих наших спектаклей. Но должен заметить, что между оценками профессиональных критиков и публики часто возникали «ножницы»: критики восторгались, а зрительный зал был пустым.

— Вот Женовач и обвинял администрацию в том, что она нарочно не «продавала» его спектакли.

— Ну, уж тут ничего не ответишь. Можете представить себе директора, который был бы заинтересован... в пустых зрительных залах?! Сергей Васильевич вообще хоть публично повторял, что не хочет давать интервью, достаточно много обидного наговорил на наш общий счет.

— Мне тоже однажды довелось с ним разговаривать, хоть и по телефону. Он мне тогда сказал, что не будет выносить сор и избы, что все происходящее в театре — внутренние дела, не касающиеся ни города, ни прессы. Что он пришел работать, а не выяснять отношения. Если разговаривать, то, пожалуйста, о Гоголе, о Достоевском... Но добавил, что так было всегда, смена поколений во всех театрах — процесс болезненный, но необходимый. То есть, в общем-то, не скрыл своего негативного отношения к сложившейся труппе и ее нынешнему состоянию. А в расстановке сил, как она ему видится, было очевидно, кто представляет новое, прогрессивное, а кто старое, отжившее...

— Вот это-то и было его главной ошибкой. Плохая труппа?! Зачем в нее пришел?.. Хочешь создавать свой коллектив — не надо для этого разрушать другой, сложившийся. Строй, открывай новый театр не за счет других. А приходить в театр... ломать его, это, знаете ли, не строить... Приходить для того, чтобы обижать артистов неуважением к ним, противопоставлять их новым молодым, пришедшим в труппу вместе с тобой, это не может быть плодотворным.

— Но, может быть, действительно Розанова, Маркина, Тарамаев, Назаров, Качанов предложили гораздо более высокий уровень современной исполнительской культуры? А аборигены не выдерживали с ним сравнения?

— Неправда это. Я не хочу противопоставлять одних хороших артистов другим, достаточно коллектив настрадался. Но ведь это и несправедливо. Разве работы Дурова, Мартынюка, Сайфулина не были в числе лучших, когда Женовач пригласил их для участия в своем спектакле по роману Достоевского? Разве плох поставленный Львом Дуровым спектакль «Страсти по Торчалову»? А роли, сыгранные там Олегом Вавиловым, Иваном Шабалтасом, другими, не свидетельствуют о больших возможностях артистов? Но не директорское это дело — судить актеров. Я вынужден защищать их. Хотя это прямое дело главного режиссера. Его профессиональные обязанности — любить артистов, раскрывать их, заниматься их ростом и воспитанием.

Я стараюсь во всех своих высказываниях быть предельно осторожным, лояльным. Сергей Васильевич — бесспорно талантливый человек. И ему еще долго жить в искусстве. Но, наверное, в его интересах и ради нашего коллектива, а, может быть, еще и для других — ведь подобные нашим коллизии свойственны многим театрам — стоит выслушать правду. И про то, что режиссер-постановщик и главный режиссер — это разные профессии... И что студийный театр в комнате и большая сцена — это тоже разное...

— В других ваших комментариях вы были более осторожны и уклончивы. Я вам благодарна за откровенность и прямоту. Действительно, в подобных случаях надо говорить или все, или ничего. Чтобы положить конец слухам и домыслам... И во имя будущего докопаться до истины.

— Конечно же, Сергей Женовач талантлив. И мы сами его пригласили. И радовались его приходу. И условие его прийти с двенадцатью своими актерами приняли. Мне виделся в этом знак судьбы. Ведь Эфрос тоже когда-то пришел с двенадцатью артистами! Опять же двенадцать — апостольское число. И сам Женовач похож на Иисуса... Но тот же Эфрос хоть и работал в основном со своими артистами — Яковлевой, Дуровым, Волковым, Круглым, Грачевым, Сайфулиным, никогда не противопоставлял «своих» «чужим». А тут возник отдельный театр в театре. Женовач занимал в спектаклях только «своих», об остальных не думал. Что они делают, чем заняты — большинство вовсе выбыло из действующего репертуара — было ему безразлично. Его же артисты отказывались участвовать в спектаклях других режиссеров. Просто режиссеру еще позволительно, хоть и нежелательно так себя вести. Но — не главному. Первые три года работы Сергей Васильевич был очередным режиссером. Потом захотел стать главным, сам себя предложил на эту должность. Мы подписали контракт, где были оговорены все права и обязанности. Мне не в чем себя упрекнуть. Я во всем шел ему навстречу: от прописки и квартир в Москве до выполнения любых постановочных требований. Он ставил что хотел, приглашал актеров, режиссеров каких хотел. Свое дело — обеспечивать необходимые для творчества условия — я знаю. Слава богу, более 30 лет — директор театра.

— Но Сергей Васильевич, напротив, полагал, что ему мешал авторитет вашей власти и не доставало прав. Он хотел бы быть не главным режиссером, а художественным руководителем. То есть чтобы в театре были не два равноправных руководителя, административный и творческий, а он — один, и вы в его подчинении.

— К сожалению, борьба за власть — и примеров тому у нас в стране масса — часто происходит отдельно от необходимости честно и добросовестно делать свое дело. Проблема взаимоотношений двух театральных руководителей — директора и режиссера — во многом надуманна. У каждого свое поле деятельности, у директора достаточно широкий круг хозяйственных, административных, финансовых забот, чтобы ему вмешиваться в собственно творческие дела. Не власти не хватало Сергею Васильевичу, а воли. Организаторских качеств и умений. Не декларируемого, а подлинного желания работать.

Смею предположить, что и ушел-то он потому, что в глубине души сам понимал — не справляется. Ведь я ему предлагал остаться в театре на любых условиях: очередным, главным режиссером... Не захотел.

— Но вы же ставили ему определенные условия?

— А как же?! Выполнять положенные главному режиссеру обязанности. Поймите, не с Коганом у него был конфликт, а с коллективом. Это гораздо серьезнее и болезненней. На традиционном собрании труппы, завершавшем сезон, не было ни одного выступающего, кто выразил бы сожаление об уходе Женовача.

— Но, может быть, действительно, не может быть в театре двух сильных лидеров? Может, применительно к театру особенно важна истина про двух медведей в одной берлоге...

— Получается, что мне вменяется в вину, что я — сильный директор?! Этого-то добиться проще всего: нет настоящего главного режиссера, может и не стать директора. Что тогда: закрывать театр? Лидер в театре, как и всюду, это — не должность, а авторитет личности. Лидером не назначают, им становятся.

— Илья Аронович, простите мой, может быть, бестактный вопрос. Но уход Эфроса, хоть он и был всего-то очередным, не главным режиссером, стал началом разрушения вашего театра, некоторые тоже склонны связывать с вами и чуть ли не винят вас в том злополучном собрании, после которого он ушел.

— Не хотелось мне сегодня об этом вспоминать, но опять вынужден открывать стенограмму того собрания. Вот из выступления Эфроса: «Я обещал сказать про Когана. Илья Аронович не сделал мне ничего плохого. Наоборот, он почти всегда меня поддерживал. У меня по отношению к нему нет никаких личных мотивов. Он человек умный, юрист, все знает...»

Назначение Эфроса главным режиссером на Таганку было дьявольски спланированной акцией. У нас в театре ему действительно не хватало прав. Но тогдашние партийные власти ведь не назначили его у нас главным режиссером! Если бы назначили, думаю, он не ушел бы. Тогда расправились одновременно с ним самим, с Таганкой и... с нашим театром. Хотя, конечно же, при любых режимах нам самим тоже надо всю жизнь учиться беречь друг друга, помогать, говорить правду, учиться на ошибках и быть способными служить театру. Дело это ох какое непростое!

— Что сейчас вы собираетесь делать?

— Работать. Планов много. Есть начатые спектакли. Хотим открыть малую сцену, для нее режиссер Игорь Древалев, ученик Марка Захарова, делает композицию по рассказам Ивана Бунина. А на большой сцене режиссер из Петербурга Александр Исаков будет ставить пьесу популярного бродвейского драматурга Нила Саймона «Дураки», еще один режиссер Виктория Харченко — французскую комедию Жана Ануйя «Путешествие без багажа», сказку будем репетировать. Определяется с выбором своей постановки Лев Дуров. Предложений много, рассматриваем. В театре есть художественная коллегия. Конечно, она не заменит главного режиссера. Но и пока его нет — будем продолжать работать.

Вечер. Москва. – 1998. – 14 июля. – с. 7

Два медведя в одной берлоге

Под конец сезона в Театре на Малой Бронной разразился скандал: с поста главного режиссера ушел один из наиболее интересных московских режиссеров Сергей Женовач и несколько ведущих актеров театра. Предлагаем вам два взгляда на ситуацию — директора Театра на Малой Бронной Ильи Когана и нашего театрального обозревателя. Очевидно, что конфликт на Малой Бронной взбудоражил всю театральную общественность. Наша газета открыта для публикации любых мнений по поводу происшедшего, осмысления конфликта со всех позиций.

Отдел культуры

36